

УДК 903.26«638»

КАМЕННЫЕ ЖЕРТВЕННИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ОВАЛЬНОЙ ФОРМЫ НА ЧЕТЫРЕХ НИЗКИХ НОЖКАХ

К.Г. Маргарян

В статье рассматриваются каменные жертвенники одного типа, овальной формы, на четырех низких ножках, с бортиком. Эти предметы встречаются на территории расселения ранних кочевников Евразии. В статье производится анализ причин их появления и распространения на огромной территории евразийских степей.

Ключевые слова: каменные жертвенники, ранние кочевники Евразии, миграции, саки, савроматы.

Детальный анализ определенного типа вещей в контексте погребально-го обряда может давать информацию не только о материальной культуре в целом, но и дает возможность нам реконструировать процессы этнокультурных взаимодействий и миграций. Каменные жертвенники едва ли могут рассматриваться как предмет торговли, появление же одного и того же типа каменных алтариков в регионах, в которых они ранее не встречались, прекрасно показывает нам картину взаимодействий между кочевыми племенами, населявших разные территории в раннем железном веке, а также указывает на миграции населения.

В статье внимание уделено одному типу каменных жертвенников – с опорой, овальной формы, на четырех низких (меньше высоты блюда) ножках, с бортиком [1, с. 104–105]. В настоящий момент известно 20 каменных алтариков рассматриваемого типа с территории евразийских степей. Все предметы внешне очень схожи, за исключением одной находки с территории Обь-Иртышья из кургана 4 могильника Михайловское-VI [2, с. 47] (рис., 11). Устанавливается четкая связь между территорией распространения каменных жертвенников рассматриваемой формы и временем их существования. Обратимся сначала к ранним памятникам, которые несут в себе сакские черты. Эти комплексы сконцентрированы на территории Южного Зауралья (одна находка), Юго-Восточного Приаралья (две находки), Центрального Казахстана (пять находок) и Обь-Иртышья (две находки). Из вышеизложенного видно, что на территории Центрального Казахстана жертвенников рассматриваемых форм больше всего.

Каменные жертвенники овальной формы, на четырех низких ножках, с бортиком: 1 – Красноманычский, к. 1, п. 3; 2 – курган у хут. Крыловский¹; 3 – отдельный курган на плато Сынтас, п. 1; 4 – курган в ур. Лапасина у с. Любимовка; 5 – Покровка 10, к. 35; 6 – курган 2 у пос. Целинный; 7 – Лебедевка VI, к. 40, п. 1; 8 – Уркач I, к. 22²; 9 – курган Белый Мар; 10 – Уйгарак, к. 47; 11 – Михайловское-VI, к. 4; 12 – Малинино-3, к. 1; 13 – Майкубень 2, к. 14; 14 – Ашиколь, к. 3; 15 – Дандыбай, к. 3; 16 – Бесоба (Павлодарская область); 17 – Южный Тагискен, к. 45; 18 – курган Красноярка-X, нижнее погребение; 19 – Здвинск-2; 20 – селище у с. Завадовка

¹ Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность заведующей отделом археологии Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Албина А.Ф. Кочкиной за оказанное содействие в работе с коллекциями музея. Фотография сделана научным сотрудником Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук В.В. Молчановой.

² Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность директору М.Н. Дуйсенгали и сотрудникам В.А. Амелину и Н.М. Баирову за предоставление материалов для работы из фондов Актюбинского областного историко-краеведческого музея.

Это алтарики из кургана 14 могильника Майкубень-2 (рис., 13) [3, с. 71], кургана 3 могильника Ашиколь (рис., 14) [4, с. 283], кургана 4 могильника Кызылту 3 [5], могильника Бесоба (Павлодарская область, точное место находки в публикации не указано, контекст места находки не известен) (рис., 16) [6, с. 115] и кургана 3 могильника Дандыбай [7, с. 322, рис. 14, 2] (рис., 15). Преобладание находок на указанной территории может объясняться, скорее всего, тем, что ведущей силой в VII–VI вв. до н. э. на обширных пространствах степей и полупустынь от Урала до Иртыша было, очевидно, объединение племен Центрального Казахстана. Именно оно определяло направление и характер культурных изменений в регионе, являясь своего рода «законодателями моды» не только в материальной, но и духовной культуре [8, с. 113; 9, с. 81–82]. В настоящее время А.З. Бейсенов, основываясь на новых материалах восточных районов Центрального Казахстана, основную массу погребений тасмолинской культуры датирует в рамках VIII–V вв. до н. э. [10, с. 149]. Рассматривая целый пласт находок каменных жертвенников овальной формы, на четырех низких ножках, отметим, что памятники с каменными жертвенниками рассматриваемой формы на территории Центрального Казахстана по ряду аналогий из других регионов правомернее отнести к первому этапу тасмолинской культуры, VII–VI вв. до н. э.

Находка на территории Южного Зауралья каменного жертвенника из кургана 2 у поселка Целинный (рис., 6) [11, с. 34–35], погребальный обряд и инвентарь которого (забутовка могильной ямы камнями, западная ориентировка погребенного с небольшим отклонением на север, находки бронзового зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой, а также костяной изящной иглочки) находят параллели в памятниках тасмолинской культуры и еще раз подтверждают точку зрения М.К. Хабдулиной и А.Д. Таирова о том, что просторы Урало-Казахстанских степей в начале раннего железного века были заняты носителями трех родственных культур – тасмолинской Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья [9, с. 79; 8, с. 113].

Две находки каменных жертвенников рассматриваемого круга, датирующиеся VII–VI вв. до н. э. на территории Юго-Восточного Приаралья, из кургана 47 могильника Уйгарак (рис., 10) [12, с. 39–40] и из кургана 45 могильника Южный Тагискен (рис., 17) [13, с. 18–19] а также общие черты в погребальном обряде и инвентаре, свидетельствует, в первую очередь, о тесном взаимодействии (взаимовлиянии) мирного характера между номадами низовий Сырдарьи и Урало-Казахстанских степей [14, с. 120].

На территории Обь-Иртышья, если быть точнее, Омского Прииртышья, известен курган Красноярка-Х. Авторы относят памятник к периоду V–IV вв. до н. э., оставленный саргатским населением. Датировка не вызыва-

ет сомнений за исключением нижнего погребения, которое стоит особняком от остальных четырех погребений. Авторы уточняют, что погребенные находились в одном могильном котловане, очертания же могильных ям проследить не удалось. Нижнее погребение по стратиграфическим наблюдениям авторов более раннее и датируется, по их мнению, вероятнее всего, V–IV вв. до н. э., а верхние четыре – IV в. до н. э. [15, с. 131–133]. Инвентарь, с которым был уложен нижний погребенный, включает в себя предметы, которые находят аналогии, в первую очередь, в памятниках тасмолинской историко-этнографической общности VII–VI вв. до н. э. Это круглое зеркало с бортиком и ручкой-петелькой в центре, петелька зеркала из кургана Красноярка-Х, видимо, в связи с длительным использованием была утеряна. Костяная же орнаментированная пластина с отверстиями и бронзовая игла отсылают нас за поиском аналогий в близлежащие регионы – Северный Казахстан и Южное Зауралье. Такие костяные пластины с отверстиями были найдены в памятниках VII–VI вв. до н. э. (Варненские курганы, курган 2, погребение 2; могильник Бектениз, курган 5; могильник Графские развалины, курган 7) [16, с. 68; 9, с. 158, табл. 88, с. 104, табл. 18]. Западная ориентировка костяка, его полускорченное положение на левом боку, находка алтарика анализируемых форм (рис., 18), таз и кости конечностей молодой особи барана, также подтверждают дату погребения в пользу VII–VI вв. до н. э., а быть может, и переходным временем, VIII–VII вв. до н. э. Похожий погребальный обряд встречен на этой же территории в кургане 1 могильника Малинино 3. Погребенный был, как и в предыдущем случае, уложен на правом боку, головой на запад. В погребении был установлен каменный жертвенник (рис., 12) [14, с. 125; 19, с. 183, рис. 2]. Из этого же региона, только западнее, известна еще одна находка каменного жертвенника рассматриваемой формы из могильника Здвинск-2 (рис., 19) [17, с. 183, рис. 3]. К сожалению, контекст находки неизвестен. Анализируя погребальный обряд некрополя городища Чича-1 и кургана 1 могильника Здвинск-1 (в кургане был также обнаружен каменный жертвенник, только без опоры, овальной формы, с бортиком), В.И. Молодин находит абсолютно тождественные параллели в памятниках Северного Казахстана (могильник Берлик, курган 1; могильник Кенес, курган 1). Памятники двух регионов объединяют незначительные по глубине могильные ямы, захоронения на уровне погребенной почвы, скорченное положение умерших. Налицо, по его мнению, сосуществование одновременно двух культурных традиций: уходящей позднебронзовой и новационных черт эпохи раннего железного века (деревянные конструкции, каменные блюда-алтарики) [18, с. 120].

Вышеприведенные данные не противоречат гипотезе А.Д. Таирова о миграции кочевых племен из Восточного Туркестана и Монголии, которая происходила в два этапа [14, с. 62]. Как раз со вторым этапом (конец

VIII в. до н. э. или рубеж VIII–VII вв. до н. э.) можно сопоставить появление погребений такого облика в Барабе. Волна миграции пролегла через Джунгарскую впадину и долину Черного Иртыша, вдоль западных (Восточный Казахстан) и северо-западных предгорий Алтая в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья [14, с. 62]. К сожалению, пока не удастся решить вопрос, где зародилась традиция изготовления каменных жертвенников овальной формы на четырех низких ножках. Также остается открытым вопрос была ли эта традиция привнесена извне с территории Северного и Северо-Западного Китая или сформировалась уже на местном субстрате. Последний вариант в настоящий момент видится наиболее вероятным, так как на территории Восточного Туркестана и Монголии нам пока неизвестны памятники, где встречается, в целом, такая категория инвентаря, как каменные жертвенники. В настоящий момент самая ранняя известная автору находка жертвенника без опоры, овальной формы с бортиком, происходит из кургана-ограды 6, могильника Айшрак, который отнесен А.Х. Маргуланом к переходному времени, смене андроновской культурной общности бегазы-дандыбаевской культурой [7, с. 97; 19, с. 26–27]. Абсолютные даты бегазы-дандыбаевской культуры дискутируются, но в основном укладываются в диапазон с XIV по IX (VIII) вв. до н. э. Считается, что в VIII в. до н. э. бегазы-дандыбаевская культура прекращает свое существование на территории Центрального Казахстана и сменяется тасмолинской культурой [20, с. 460].

В VI–IV вв. до н. э. каменные алтарики рассматриваемой формы появляются на совершенно новых территориях: в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье, Центральном Предкавказье, Обь-Иртышье. В Южном Приуралье в настоящий момент известно шесть каменных алтариков, происходят они из кургана 22 могильника Уркач I (рис., 8) [21, с. 168, табл. 38], кургана 35 могильника Покровка 10 (рис., 5) [22, с. 169–170], погребения 1 отдельно стоящего кургана на плато Сынтас на берегу озера Челкар (рис., 3) [23, с. 128–129], кургана у хутора Крыловского (раскопанный в 1896 году) (рис., 2) [24, с. 163, рис. 15, 1д; 74, 5], кургана в урочище Лапасина у села Любимовка (раскопанный в 1927 году) (рис., 4) [24, с. 163, рис. 15, 3д] и погребения 1 кургана 40 могильника Лебедевка VI (рис., 3) [25, с. 27, 38]. Все предметы датируются савроматским временем, за исключением последнего. Авторы раскопок отнесли этот курган к сарматскому времени. Появление указанных жертвенников в Южном Приуралье связано, в первую очередь, с миграцией саков Приуралья в связи с исторической ситуацией, сложившейся в Средней Азии в конце VI в. до н. э. в результате активной завоевательной политики ахеменидской Персии в этом регионе [26, с. 76; 28, с. 90–91]. По мнению С.Ю. Гуцалова, население Южного Приуралья, в силу его отсутствия в регионе в предшествующую эпо-

ху, складывалось из нескольких этнокультурных составляющих – скифской и сакской [27, с. 91].

В Нижнем Поволжье известна одна находка (рис., 9), происходит она из кургана Белый Мар [24, с. 163, рис. 74, б] и также один алтарик был обнаружен в Центральном Предкавказье в погребении 3 кургана 1 могильника Красноманычский (рис., 1) [28, с. 224–226]. Скорее всего, появление жертвенников рассматриваемой формы и других форм инвентаря на территории Поволжья, а в дальнейшем и на территории Нижнего Дона и Центрального Предкавказья также указывает на миграцию южно-уральских кочевников в VI–V вв. до н. э. [29, с. 16, 18, 20]. Скифские племена, проживающие на территории, прилегающей к Северскому Донцу, также были знакомы с савроматами Южного Урала. На это указывает находка вотивной модели жертвенника овальной формы, на четырех низких ножках, с бортиком, вылепленного из глины, на селище у села Завадовка (Харьковская область) (рис., 20) [30, с. 35–36]. Оно крайне мало в размерах, не более 7 см, если судить по масштабу рисунка. Селище функционировало с VII по V в. до н. э. Глиняный алтарик был найден в раннем слое [30, с. 36]. В книге В.Е. Максименко приводятся данные о том, что в конце VI в. до н. э. (514 или 512 гг. до н. э.) какой-то контингент савроматских воинов участвовал в знаменитой скифо-персидской войне. Союзнические же отношения во время нашествия Дария Гистаспа не исключали конфликтов между скифами и савроматами. Например, известно, что савроматский отряд из 10 тысяч конников и 30 тысяч пеших воинов совершил набег на территорию Скифии [31, с. 13]. Жертвенник из кургана 4 могильника Михайловское-VI (Обь-Иртышье) (рис., 11) [2, с. 47, рис. 2, 3] датируется авторами раскопок VI–V вв. до н. э. Его появление в регионе, как и других форм каменных жертвенников в массовом количестве объясняется миграцией кочевников Урало-Казахстанских степей [14, с. 115].

Таким образом, удалось проследить зарождение одного из типов каменных жертвенников в сакское время и дальнейшее распространение этой формы алтариков в результате миграций и этно-культурных взаимодействий кочевников раннего железного века Евразии.

Библиографический список

1. Маргарян, К.Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века / К.Г. Маргарян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 104–106.
2. Фролов, Я.В. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью / Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин // Михайловский район: очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С. 42–50.

3. Бейсенов, А.З. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н. э. в Центральном Казахстане / А.З. Бейсенов // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. – 2001. – № 1. – С. 66–71.
4. Пересветов, Г.Ю. Некоторые вопросы происхождения Тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) / Г.Ю. Пересветов // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 282–285.
5. Жусупов, Д.С. Каменный жертвенник из могильника Кызылту / Д.С. Жусупов. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/32_NII_2014/Istoria/4_178490.doc.htm/ (дата обращения: 28.03.2019).
6. Археологические коллекции Центрального Государственного музея Республики Казахстан. Иллюстрированный научный каталог. Культура ранних кочевников Казахстана / гл. ред. Н. Алимбай, А. Акишев. – Алматы, 2009.
7. Древняя культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1966. – 436 с.
8. Таиров, А.Д. «Тасмолинцы» и внешний мир / А.Д. Таиров // Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Актобе: «ПринтА», 2007. – С. 112–120.
9. Хабдулина, М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железного века / М.К. Хабдулина. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.
10. Бейсенов, А.З. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане / А.З. Бейсенов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. – Т. 18. – № 3. – С. 146–152.
11. Пшеничнюк, А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А.Х. Пшеничнюк. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
12. Вишневская, О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака / О.А. Вишневская // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М.: Наука, 1973. – Т. VIII. – 160 с.
13. Итина, М.А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) / М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 187 с.
14. Таиров, А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. / А.Д. Таиров. – Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
15. Трофимов, Ю.В. Археологические исследования ОГИК музея в 2010 году / Ю.В. Трофимов, Д.О. Плахута // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2011. – № 16. – С. 129–134.
16. Таиров, А.Д. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование / А.Д. Таиров, А.Ф. Бушмакин // Российская археология. – 2001. – № 1. – С. 66–75.
17. Плахута, Д.О. О семантике некоторых жертвенников раннего железного века Западной Сибири: вариант интерпретации / Д.О. Плахута, А.Л. Автушкова // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Социология потустороннего. – 2018. – № 3. – С. 181–186.

18. Молодин, В.И. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 4 (28). – С. 115–121.
19. Маргулан, А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. – 360 с.
20. Чугунов, К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) / К.В. Чугунов // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Государственного Эрмитажа. – 2015. – Т. LXXVII. – С. 457–486.
21. Гуцалов, С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / С.Ю. Гуцалов. – Уфа, 2000. – Том II. – 235 с.
22. Яблонский, Л.Т. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 / Л.Т. Яблонский, В.Ю. Малашев // Нижневолжский археологический вестник. – 2005. – Вып. 7. – С. 149–213.
23. Железчиков, Б.Ф. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане / Б.Ф. Железчиков, Г.А. Кушаев // Нижневолжский археологический вестник. – 1999. – Вып. 2. – С. 127–137.
24. Смирнов, К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
25. Железчиков, Б.Ф. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) / Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – 159 с.
26. Таиров, А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Приуралья (по материалам могильника Маровый Шлях) / А.Д. Таиров // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 76–91.
27. Гуцалов, С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. / С.Ю. Гуцалов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2 (30). – С. 75–92.
28. Кореняко, В.А. Погребение савроматского времени на Восточном Маныче / В.А. Кореняко // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 223–229.
29. Мышкин, В.Н. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке / В.Н. Мышкин, В.А. Скарбовенко // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000. – С. 9–81.
30. Гречко, Д.С. Новые материалы скифского времени с поселения у с. Завадовка / Д.С. Гречко // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2003 р. – Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. – С. 34–37.
31. Максименко, В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону / В.Е. Максименко. – Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1983. – 224 с.

[К содержанию](#)